

Научная жизнь

ЯАККО ХИНТИККА В БИБЛИОТЕКЕ НЫНЕ ЗДРАВСТВУЮЩИХ ФИЛОСОФОВ: ДИАЛОГ

Дискуссия между профессорами Яакко Хинтиккой (Бостонский университет) и Симо Кнууттилой (Академия Финляндии), состоявшаяся на вечерней встрече 2 сентября 2007 г. на конференции в Хельсинки

Кнууттила: Дамы и господа. Благодарю вас за приглашение на это мероприятие и предоставленную возможность обсудить последний выпуск серии «Библиотека ныне здравствующих философов», который вышел в свет прошедшей весной. Этот том называется «Философия Яакко Хинтикки». Вероятно, большинство присутствующих знакомы с этой серией, которая была основана в 1939 г. П.А. Шильпом. Замысел серии состоит в том, чтобы приглашать видных философов, с тем чтобы они рассказывали о своей жизни и идеях, а затем просить других философов осветить те проблемы, о которых писал предыдущий философ, а также прокомментировать его взгляды. Затем философ, которому посвящена книга, отвечает тем, кто оценивал его философию, и обсуждает ими написанное. Со временем эта серия стала очень популярной, и большинство философских библиотек стремятся заполучить ее тома. Сам замысел такой серии был признан отличной идеей, она стала одной из самых престижных в философской литературе. Приглашение поучаствовать в очередном томе серии рассматривается как большая честь для философа. Книги этой серии имеют одну и ту же структуру: сначала идет автобиография с описанием научного пути философа, весьма подробная, затем – статьи об основных его идеях и работах и нако-

нец – ответы философа на каждую статью. Так что книга представляет собой своеобразную дискуссию. Том, посвященный философии Яакко Хинтикки, насчитывает почти 1000 страниц. Он выпущен также и в мягкой обложке. А теперь у меня есть несколько вопросов профессору. В Америке много весьма популярных телепередач, которые вы, возможно, видели. В них берут интервью у знаменитых кинозвезд: сначала их спрашивают о том, как они стали актерами и т.д., затем переходят к их наиболее значимым фильмам., фильмам, получившим «Оскара» и т.д. Я хочу задать вопросы, которые касаются философии и обсуждаются в этом томе. Я выбрал несколько общих тем, которые рельефно отражены в этой книге и которые, на мой взгляд, являются ключевыми в философии Яакко Хинтикки. И вот первый вопрос (он фактически заимствован из телепередач): как вы стали философом?

Смех в зале

Хинтикка: На самом деле это очень хороший вопрос для этой аудитории, так как присутствующие тесно связаны с теми людьми, о которых я буду говорить. Мое первое увлечение философией началось еще в средней школе и было обычным для Финляндии того времени. Связано оно было с сочинениями Эйно Кайлы. Сначала я увлекся этими философскими работами. А вот потом, отвечая на вторую часть вопроса – о том, как я стал профессиональным философом и что этому способствовало, скажу: это было связано не с Кайлой, с которым я лично познакомился позднее, а с фон Вригтом. Он был профессором философии в Университете Хельсинки, читавшим лекции на шведском языке. Я начал ходить на его лекции, Поскольку они были на шведском, у него было мало студентов, не больше трех-четырех, и очень скоро эти лекции превратились в подобие семинаров. Фон Вригт вовлекал присутствующих в собственный процесс мышления, и это было восхитительно. Вот так я не просто стал интересоваться философией, а оказался вовлеченным в активное философское теоретизирование. И здорово повезло, поскольку вскоре у меня появилась первая оригинальная идея, и возникла она под влиянием лекций фон Вригта. Она касалась дистрибутивных нормальных форм, которые он использовал в своих построениях. Так я стал активным участником философских исследований, в данном случае – логических.

К.: Это также стало темой вашей диссертации?

Х.: О да, но это заняло много времени. Я продолжал обучаться философии и логике, и мне все пришлось разрабатывать самому, так что потребовалось много времени. Но я смог, да, конечно, смог использовать этот материал в моей диссертационной работе.

К.: Это не должно было занять много времени, поскольку когда вы опубликовали эту работу в 1953 г., вы были чрезвычайно молоды.

Х.: Я был очень молод, когда мне пришла в голову сама идея работы.

К.: Хорошо. А потом, после завершения диссертации, вы побывали в США и Англии?

Х.: Ну, на самом деле это произошло еще до того, как ее закончил. Это было почти сразу после войны, и мне очень повезло. Помоему, это были первые годы, когда любой мог поехать из Европы в Америку, чтобы поучиться. Я получил годовой грант на так называемую учебу по обмену в 1948–1949 гг., когда был студентом. Это было мое первое посещение Америки, а потом я продолжал туда ездить для учебы и работы. Если вы хотите услышать о более поздних этапах моего профессионального становления, то следует сказать, что решающим моментом в моей карьере было счастливое для меня избрание в Гарвардское общество стипендиатов (Harvard Society of Fellows) на три года, что дало мне прекрасную возможность не только проводить исследования, но и познакомиться с философским сообществом Америки и даже Англии и стать его членом. За эти три года (1956–1959 гг.) я смог также побывать в Оксфорде, находиться там в течение одного семестра и участвовать в проводившихся там дискуссиях.

К.: Ваша книга «Знание и вера» связана с вашим пребыванием в Гарварде?

Х.: Именно там я сделал большую часть работы. Книга была опубликована через пару лет после того, как я вернулся оттуда.

К.: Давайте перейдем к проблемам, обсуждаемым в этом томе «Библиотеки ныне здравствующих философов». Интересной особенностью этой книги является то, что многие статьи в ней посвящены центральным темам философии последнего столетия, таким как ранняя аналитическая философия, Венский кружок и философия Витгенштейна, Фреге, неопрегеанцы, Гуссерль и феноменология и т.д. Давайте немного поговорим об этом. Вы сделали ряд критических замечаний по поводу слабых сторон этих традиций, но усмотрели также некоторые систематические идеи, которые делают их интересным и ценным вкладом в философию. Вероятно, сначала мы могли бы обсудить аналитическую традицию, Венский кружок и логический позитивизм. Каковы те условия, при которых мы все могли бы сегодня быть логическими позитивистами?

Х.: Что же, у меня есть свое видение всей этой ситуации. Когда я ознакомился с философскими дискуссиями, в частности в Соединенных Штатах, очень часто у меня возникало впечатление, что участники дискуссии полагают, что мы наконец-то избавляемся от дурного влияния логического позитивизма, постепенно преодолевая его. Я думаю, что с исторической точки зрения это просто неверно. То, что происходит с нами сегодня, – это не конец логического позитивизма или логического эмпиризма. Это уже последние отголоски реакции на логический позитивизм, наблюдаемой в аналитической традиции. Сейчас мы видим закат влияния таких людей, как Куайн, Поппер, Кун. Теперь становится совершенно очевидным, что их идеи уже не ведут к дальнейшим прозрениям. Кратко скажу, почему я так считаю. Я уже писал о предпосылках идей, разрабатываемых Куайном. Если я хотя бы отчасти прав, то предположения, которые он делает, не приведут ни к какой успешной исследовательской программе, ни к какому дальнейшему развитию философии языка. Я полагаю, что куайновские идеи философии языка никоим образом не были реально приложимы к реальной лингвистике. Так же как не имели никакого влияния на развитие реальной логики его идеи в области философии и логики. Так что я полагаю, что его влиянию вполне закономерно подходит конец. А как насчет других критических замечаний? Я полагаю, что Поппер, которого я знал лично, был чрезвычайно здравым мыслителем, с острым умом и быстрой реакцией. Но я также полагаю, хотя, возможно, я слегка преувеличиваю, что его проблемой было то, что по каждой теме, кото-

рую он поднимал, у него тотчас же появлялась чрезвычайно добротная идея и все остальное время он тратил на ее отстаивание, не развивая ее, а именно отстаивая и заявляя при этом, что он единственный в мировой истории мыслитель, выдвинувший эту идею. Именно по этой причине так легко повесить ярлыки на его взгляды. Вы сами можете их перечислить, – это третий мир, это фальсификация, это информация, это интерпретация предрасположенности и т.д. Я имею в виду, что вклад Поппера этим исчерпывается. Но вы не сможете проделать того же с Витгенштейном или Кантом. Или возьмем Куна. Он был важной фигурой, и не только в истории науки и социологии науки, но и в философии. Но если вы рассматривать его чисто философские идеи, то в методологическом плане они на самом деле не намного превосходят старомодные модели. Я уже доказал на конкретных примерах, что Кун мог бы улучшить свою собственную работу в истории науки, т.е. в своей собственной области исследования, если бы уделил большее внимание логическим и эпистемологическим аспектам науки. Приведу один пример, поскольку в этом вопросе я хочу быть конкретнее. Наиболее значительный вклад Куна как историка науки, вероятно, состоял в анализе ранней истории идеи кванта. Он показал весьма интересным образом, с использованием документов, что Планк, которого обычно считают родоначальником понятия кванта, никогда в своих работах не опирался на это понятие, вообще его не использовал. И это интересно, поскольку делает Эйнштейна автором идеи использования понятия кванта как средства объяснения физических явлений. Как же объяснить эту странную ситуацию? Если взглянуть на историю понятия индукции и рассмотреть это понятие в старом, доюмовском смысле, то видно, что становится вполне понятным с исторической и методологической точек зрения, почему Планк поступал именно так. Это, конечно, не критика Куна, но это показывает, что он мог бы вести свои изыскания в чрезвычайно интересном философском и историческом русле. Я могу привести и другие примеры. Поэтому я больше не думаю, что эта Вторая волна действительно является волной будущего.

К.: Вы писали о Карнапе и редактировали работы о нем. Что вы думаете о развитии Карнапа в период от Венского кружка до его поздней философии?

Х.: Возьмем его поздние идеи о семантике, которые находятся в очевидном противоречии с тем, что говорилось и, вероятно, также обдумывалось в Венском кружке в начале 1930-х годов. Большое изменение состоит в том, что Карнап отказался от идеи чисто синтаксического подхода, отличавшего Венский кружок и подразумевавшего невозможность семантики и предпочтительность чисто синтаксического подхода. Это было догмой для Витгенштейна, и он утверждал ее в своем «Трактате», как сам говорил об этом в письме Шлику от 7 августа 1932 г. Этот же взгляд исповедовал Куайн, так же как и большинство участников Венского кружка. И все же для Карнапа это было всегда в некотором смысле менее важным ограничением. На самом деле оно никогда не было неотъемлемой частью его главных идей. Если взять «Логический синтаксис языка», то в этой работе есть многое из того, что можно было бы назвать семантикой. Так что движение в направлении точно сформулированного семантического подхода для Карнапа было в некотором смысле гораздо меньшим шагом, чем оно могло бы быть, например, для Куайна. Я имею в виду, что для Куайна это было бы полной сменой взглядов, в то время как для Карнапа это был гораздо меньший шаг.

К.: Вы также много написали о взгляде Витгенштейна на язык и об отсутствии у него семантики и даже ее недостижимости. Как, по-вашему, это было связано с Карнапом?

Х.: Карнап в начале 1930-х годов принял то, что он назвал формальным модусом речи, что означает стремление все делать на синтаксическом уровне. Но как я сказал, это было скорее предпочтением одного подхода другим. Этот выбор не был основан на глубоком убеждении относительно невозможности работы на семантическом уровне дискурсивно, в научном стиле. Исходно, в начале 1930-х, основное различие между вопросами, которые ставили Витгенштейн и участники Венского кружка, было очень незначительным, несмотря на то что их стили мышления и стили изложения идей расходились сильнейшим образом. Тому есть доказательство, и я об этом писал. Доказательство связано с самим Витгенштейном. Была жуткая ссора летом 1932 г., которая началась с того, что Витгенштейн получил оттиск работы Карнапа. Витгенштейн прочитал его и пришел в дикую ярость. В чем же была проблема? Быть может, Карнап исказил или не понял взгляды Витгенштейна? Нет же, Карнап просто заим-

ствовал идеи Витгенштейна, это был почти что плагиат. Это долгая история, и я не хочу сейчас входить в ее детали. Но эти противоречия являются самыми убедительными доказательствами схожести идей Витгенштейна и участников Венского кружка. И эта схожесть относится не только к идеям раннего Витгенштейна, но и к некоторым идеям его среднего периода. Шлик пытался выступить в роли миротворца и передал возражения Витгенштейна Карнапу. Могу вообразить, как Карнап пожал плечами, сказав, что никогда не слышал, чтобы Витгенштейн объяснял эти вещи, и что в «Трактате» о них не говорится вообще. Бедный Шлик, полагаю, по собственной инициативе сообщил о такой реакции Карнапа Витгенштейну, который еще больше разозлился и сказал, что Карнап использовал его идеи из «Трактата», не упомянув источника заимствования. Он перечислил с полдесятка идей, которые, по его мнению, Карнап взял из «Трактата». И теперь все, что Витгенштейн говорил о своих идеях, не всегда соответствует окончательной исторической истине. Но по крайней мере это показывает огромную степень схожести идей. Витгенштейн, конечно, отошел от Венского кружка. Но я полагаю, что это было мало связано с различием в проблематике. По большей части это было обусловлено тем, что Витгенштейн развивал свои идеи независимо от кого-либо.

К.: Каким вы видите развитие Витгенштейна в более общем контексте, особенно его ранний этап? Вы весьма сильно интересовались этим.

Х.: Для того чтобы понять Витгенштейна, нужно представить себе особенности его мышления, а также знать его отношение к другим людям. Однажды Витгенштейн перечислил 10 мыслителей, которые, по его словам, повлияли на него. Это очень странный перечень, потому что в пяти-шести случаях вы вообще не обнаружите какого-либо философского влияния в его сочинениях, – я это утверждаю. Ну, если и есть какое-то влияние, то оно минимально. И в этом перечне пропущены два мыслителя, чьи взгляды повлияли на Витгенштейна больше, чем взгляды каких-либо других людей. Дж.Э. Мур и Э. Мах не были даже упомянуты Витгенштейном. Я полагаю, что причина этого состояла в том, что когда Витгенштейн говорил или писал о влиянии, он имел в виду тех людей, кто подтолкнул его к размышлению, вдохновил на размышление или даже

заставил размышлять над какими-то вопросами и проблемами. При этом он не был заинтересован в том, чтобы высвечивать идеи, которые считал очевидными или тривиальными, хотя, я полагаю, не все они были столь очевидными. Думаю, что Мах был как раз тем, чье влияние на Витгенштейна им замалчивалось. Однако было еще и любопытное личностное неприятие. По какой-то причине, которую я, возможно, могу понять, но не думаю, что могу ее объяснить, Витгенштейн презирал Маха. Он считал, что Мах был безнадежным простаком и заурядным мыслителем. Он писал Расселу, что чтение Маха вызывает у него тошноту. Но если взять, например, взгляды Витгенштейна на философию науки, высказанные им в конце «Трактата», то тут есть много общего с Махом. Мах был одной из главных фигур в интеллектуальной жизни Вены, а возможно, и других мест. Именно по этой причине даже Ленин написал книгу, направленную против него. Ленина не интересовала философия, он противодействовал общему интеллектуальному влиянию Маха. А в чем состояли разногласия между Махом и Больцманом? Они касались вопроса о том, влияет ли наша символическая система, наш язык на всю структуру познания. Та же самая проблема, только в несколько более расплывчатой формулировке, появляется у Герца. Мах, конечно, отрицал наличие там какого-либо влияния. Ученые признают, что наш опыт описывается экономно. Больцман поднимал вопрос как раз о таком влиянии. И мы знаем, что Витгенштейн очень восхищался Больцманом. Но если взглянуть на «Трактат» Витгенштейна, то логические истины объявлены там тавтологиями. Витгенштейн считал, что наш язык вообще не делает никакого вклада в структуру познания. Но это был как раз ответ Маха. Я сильнее всего подозреваю, что Витгенштейн должен был бы сказать что-то вроде этого «О да, это верно, я не согласен с Больцманом, но Мах был так глуп, что даже не увидел реальной проблемы». Вот почему Витгенштейн нигде не называет свою собственную философию феноменологической. Это ассоциировало бы ее в массовом сознании с философией Маха. Несмотря на то, что это согласие было озвучено, он не хотел, чтобы его хоть как-то ассоциировали с Махом. Только отказавшись от своего раннего феноменологического подхода, в 1929 г., он начал ссылаться на Маха, потому что теперь мог критиковать его. Я не утверждаю, что было какое-то прямое влияние, но если, например, взять взгляды Маха на Я, на это, то обнаруживается поразительная схожесть с тем, что говорил Витгенштейн в «Трактате» о солипсизме.

К.: Витгенштейн полагал, что философам следует уже отказаться от философствования, поскольку большинство проблем решено. Он не поощрял своих студентов становиться философами и призывал их к тому, чтобы они занимались в жизни чем-то более полезным. Мог ли Карнап считать, что философия в перспективе, в будущем окажется бесполезной? Или все логические эмпиристы полагали, что они, так сказать, освобождают философию от неправильных проблем, ложных философских вопросов и что философия по-настоящему будет нужна в качестве методологии правильного мышления?

Хинтиikka: Я не искал других ответов. Но полагаю, что есть одна вещь, которую следует упомянуть. Происходит несколько совершенно разных вещей. С одной стороны, Венский кружок атаковал метафизику и раннюю философию с целью прояснения философии. Они также хотели разрешить фундаментальные проблемы науки. В какой-то степени это похоже на Витгенштейна. Но позиция Витгенштейна в объяснении собственной философии, будучи чисто дескриптивной, представляя все терапевтическим занятием, была связана с конкретной дилеммой, которая стояла перед ним. Это было связано с представлениями Витгенштейна о невыразимости, высказанными им в конце «Трактата». Витгенштейн был представителем более широкой традиции, весьма распространенной, согласно которой семантика есть просто способ рассмотрения языка. Один аспект этой неоформленной традиции состоял в том, что семантика языка не может быть выражена в том же самом языке. Или, если абсолютизировать этот взгляд, мы вообще не можем говорить дискурсивно о семантике языка. Но постойте, а о чем говорит «Трактат»? В нем говорится об отношении языка к реальности, а также об отношении языка и мышления к реальности. Поэтому Витгенштейну пришлось объяснять самому себе, что он, собственно, делает. Вот как он столкнулся прежде всего с необходимостью объяснения своих собственных взглядов и особенностей своего мышления. Это было основано, вероятно, на его установках. Он не интересовался наукой. Что же, это обстоятельство не должно стать огромным препятствием в чтении работ Витгенштейна. Он полагал, что его семантические взгляды невыразимы, но нам нужно видеть самих себя. Это вовсе не делает его теорию невыразимости уж столь трудной для понимания. Можно сказать еще много по этому поводу, но кратко эта история такова.

К.: Когда вы пришли к идее об определмости истины? Было ли это как-то связано с вашим интересом к взглядам Витгенштейна на семантику или же совсем наоборот?

Х.: Эта тема обсуждалась и ранее на техническом уровне, существует знаменитая теорема Тарского о неопределимости истины для языка в том же языке. Эта дискуссия продолжается весьма интенсивно и сейчас. Я думаю, тут две вещи. То, что произошло, – это просто результат в формальной семантике. Возможно, я не могу представить себе, как именно это происходило, но в основном я понял причины результата Тарского о невозможности, или почему Тарский был способен доказать ее. Поначалу я был очень озадачен этой идеей о невозможности. Я знал, что Тарский был прав в отношении языка, с которым он имел дело. Но если вы возьмете метод геделевой нумерации, можно чрезвычайно легко сделать определение, обратить собственную T -схему Тарского в предикат истинности. Пусть дано предложение, легко тривиально вычислить его геделев номер, и тогда почему бы не осуществить обратный процесс и не сказать, что предикат истинности приложим к этому геделеву числу, а затем, если можно так выразиться, не произвести вычисление «назад» и не сказать: «если и только если исходное предложение справедливо». Почему это невозможно? Это эффективная процедура! Ответ состоит в том, что делая это, вы создаете отношение зависимости между переменными в предложении, что разрушает эквивалентность. Когда вы видите это, вы понимаете, что если вы освободите язык, допуская выразимость различных видов отношений зависимости и независимости, тогда такой предикат истинности тривиально возможен. Таким образом, первое впечатление о легкой определмости оказалось верным. Поэтому, чисто технически, мне внезапно стало ясно, что во всем этом вопросе нет никаких резоннов верить в какой-либо интересный вид невозможности. Это сочетается с тем фактом, что причина невыразимости истины в языках, с которыми имел дело Тарский, состоит в том, что эти языки слишком сильны. В них можно было бы создать парадокс лжеца. И поскольку ранее полагали, что естественный язык даже сильнее этих языков, мы не можем использовать – сам Тарский верил в это – понятие истины в естественном языке. Это неверное объяснение. Проблема состоит в том, что языки Тарского были слишком слабы. Так что не остается никаких причин полагать, что мы не можем использовать

понятие истины в нашем разговорном языке, если прибегать к терминологии Тарского. Там остаются еще проблемы, но нет причин думать, что нельзя определить понятие истины, – я имею в виду, что это может быть сделано, можно дать определение истины за пределами языков первого порядка. Я как-то пытался выразить это, сказав, что слово «истина» больше не является ругательным.

К.: Одновременно с этими вещами вы разрабатывали так называемую дружественно-независимую логику. Она рассматривается как действительно очень важное и крупное событие в истории логики и обсуждается во многих статьях, включенных в этот том. Я полагаю, что многие люди с трудом могут понять, почему она называется дружественной и независимой. Вы и сами в автобиографии заметили, что не совсем довольны такой терминологией.

Х.: Это и в самом деле плохое терминологическое решение. Причина, по которой я выбрал этот термин, состоит в том, что в этом виде логики, в этом виде языка вы можете выразить отношения независимости, которые невыразимы в старомодных языках первого порядка. Но это не означает, что существуют более глубокие отношения, которые нельзя выразить. Так что эта логика дружественна с точки зрения независимости и дружественна с точки зрения зависимости. Большой ошибкой было присвоить дружественно-независимой логике специальный термин, так как на самом деле это просто логика (*the logic*), истинная логика первого порядка, только освобожденная от ограничений, которые, к несчастью, были наложены на этот вид языка прежними логиками. Она должна была бы называться просто логикой первого порядка. Вот чем она является. Наоборот, мы должны были бы присвоить старой традиционной логике первого порядка специальное имя, может быть, «логика с гандикапом зависимости» или «логика с вызовом независимости».

К.: Хорошо, это только имена. Сегодня ее повсюду называют дружественно-независимой логикой, так что вы уже не можете остановить такое словоупотребление...

Х.: Я однажды предложил называть ее неоклассической или гиперклассической логикой.

К.: Неоклассическая логика – вполне подходящее название. Еще один вопрос о Витгенштейне. Вы не очень-то довольны неовитгенштейнцами. Вы критикуете их в некоторых ваших ответах, а также в автобиографии. Почему вы столь критично настроены в отношении некоторых философов, пишущих в духе витгенштейновской философии, пусть не большинства из них, но по крайней мере некоторых витгенштейнцев?

Х.: Причина прежде всего, в том, что все они неправы. Я не говорю, что они всегда неправы, но часто они на самом деле неправы, и я могу проиллюстрировать это в некоторыми примерами. К сожалению, я вынужден быть краток. Позвольте мне очертить три главных подхода к Витгенштейну, к интерпретации его идей. Во-первых, я полагаю, что один из них концентрируется на идее, что для Витгенштейна язык есть в обыденном смысле социальный феномен. Что же, в этом смысле язык действительно есть социальный феномен, но не для Витгенштейна в том смысле, что язык, с концептуальной точки зрения, предполагает языковое сообщество. Витгенштейн не верил в это. И доказательством тому являются его собственные слова. Образное обозначение человека вне общества, вне лингвистического сообщества – это, конечно, Робинзон Крузо. А Витгенштейн постоянно повторял, что Робинзон должен иметь язык. Так что эта линия интерпретации отпадает. Так, что остается? Возьмем обсуждение Витгенштейном правила. В чем для него состоит проблема? Он излагает ее в «Голубой книге». Следовать правилу – это не просто действовать согласно нему. В витгенштейновской семантике не может быть никакого «действия на расстоянии». И как же правила направляют мои действия? Проблема, как ее формулирует Витгенштейн, – не следовать правилу, а быть направляемым правилом. Это та же самая проблема, которая сформулирована в утверждении: чертеж машины определяет ее движение. И это не имеет ничего общего с моим знанием о том, чем является правило. Это не имеет ничего общего с тем, знаю ли я, каким должен быть следующий шаг. Это не эпистемологическая проблема. Это проблема, касающаяся, так сказать, механики языка. Этот момент я могу проиллюстрировать тем, что Витгенштейн говорил о компьютерах. Современные мыслители могли бы спросить: «Мыслит ли компьютер?» Витгенштейн же вместо этого спрашивает: «Вычисляет ли компьютер?» Так что отпадает вся линия интерпретации следова-

ния правилу как нагромождение эпистемологических проблем. Мы уже видели, как интерпретировать невыразимость, о которой так много говорят неовитгенштейнианцы. Я уже упоминал о том, что Витгенштейн отождествлял свою проблему невыразимости с общей проблемой невыразимости в семантике. Это может быть реальной проблемой, и негативный взгляд Витгенштейна интересен, и его разделяют многие люди. Это очень интересный философский взгляд – как с философской, так и с исторической точки зрения. Он привел Витгенштейна к подлинным, очень интересным проблемам, потому что вопрос тогда формулируется так: каковы основные семантические отношения, которые мы не можем выразить в языке? Но этот вопрос не был оригинальным, и поднят он был отнюдь не Витгенштейном. Теория знания-знакомства Рассела, когда он использовал теорию знакомства в качестве основания понимания языка, обратилась к идее, что для понимания суждения вы должны быть знакомы с составляющими суждения. Но каковы объекты знакомства? Я должен иметь их перед тем, как понять что-либо. Так что вы не можете сказать о них ничего нетривиального помимо того, что они существуют, потому что предполагается, что вы уже имеете их, но тогда они существуют автоматически. Вы не можете определить их, потому что в этом случае вы можете сказать, что они существуют. Так что это Витгенштейн просто заимствовал у Рассела. Это очень интересная точка зрения. Но сама по себе она не ведет к каким-то неписанным философским истинам, как например, было у Платона. А что касается неовитгенштейнианцев, то одно из возражений им состоит в том, что их сочинения просто недопустимо небрежны. Джеймс Конант сослался на письмо, которое я упоминал, заявляя, что оно подтверждает его точку зрения. Затем он говорит, что в своем письме Витгенштейн утверждает, что Карнап не понял его. Если вы прочтете письмо, вы увидите, что оно весьма краткое, но если принять во внимание контекст, а именно, противостояние Витгенштейна и Карнапа, и если мне будет позволено немного драматизировать ситуацию, вы обнаружите, что Витгенштейн говорил на самом деле. А говорил он вот что: даже бедный глупый Карнап не смог понять «Трактат» столь плохо, чтобы не видеть, что теория Витгенштейна представляет собой то же самое, что и идея Карнапа о формальном модусе речи. Следовательно, Конант делает ту самую ошибку, которую, согласно Витгенштейну, не смог бы сделать даже Карнап. Вероятно, мне не следовало говорить это, но я скажу кое-

что неприятное о неовитгенштейнианцах. Возможно, вы помните, что Оскар Уайльд охарактеризовал великую британскую традицию охоты на лис как «невыразимое преследование несъедобного». А теперь можно сказать, что неовитгенштейнианцы являются невыразимыми преследователями невыразимого.

К.: Философы часто подшучивают друг над другом, что повелось еще с древних времен. Вы не очень-то хорошо относитесь к теории именованя, значения и указания Крипке. С другой стороны, вы были одной из главных фигур в развитии новой модальной семантики, модальной логики и так называемой семантики возможных миров, хотя вы и не любите это название. Но затем вы написали несколько статей, в которых дистанцируетесь от версии семантики возможных миров Крипке. В чем существенная разница между вашим и его подходами в этом контексте?

Х.: Это очень хороший вопрос, поскольку он позволяет мне сказать одну чрезвычайно важную вещь. Я полагаю, что проблема с Крипке состоит в том, что он никогда не придерживался идеи возможных миров как альтернативных реальностей, потому что его идея предполагает, что вы можете знать только тот конкретный мир, в котором вы находитесь. И следовательно, все семантические отношения подвержены тому же самому ограничению. Поэтому, например, в предложенной Крипке теории именованя крещением само крещение есть событие в нашем мире. Она не переносит крещение ни в какой другой мир, ни в какой-либо другой сценарий. Если вы переместите Крипке в другой мир, то ни он, ни кто-либо другой ничего не смогут знать о крещении. Объективный аналог этого состоит в том, что отношение обычного указания не определяет отношений идентификации. Крипке обнаружил одну важную вещь: в нашем языке есть семантические отношения, которые не относятся или не сводятся к одним лишь дескриптивным терминам. И они являются именно тем, что нам нужно для того чтобы перенести семантические отношения идентификации из одного возможного мира в другой. Поэтому в нашей действительной семантике мы должны иметь две системы: систему указания, работающую дескриптивно, и систему идентификации, которая работает по-другому. Она весьма независима от системы указания. Например, кванторы опираются на систему идентификации, а не на систему указания. Здесь философ-

ская логика, философы-логики и философы-эпистемологи, упустили огромную возможность, поскольку это различие между двумя системами играет огромную роль в обработке информации в центральной нервной системе. Оно воплощено в существовании двух различных нервных систем. Различия в проявлении повреждений этих двух систем совершенно поразительны. Это крупное направление в нейробиологии. Я впервые осознал это много лет назад, когда разговаривал с нейробиологом и она хотела объяснить мне проблематику, над которой они работали. Она описала различие между двумя видами зрительных систем. Через десять минут я сказал: вы проповедуете новообращенному, это частный случай моей теории двух видов идентификации. Поначалу нейробиолог не поверила мне. Одно из ее возражений было таким: как это может быть, ведь у вас различие – просто логическое, семантическое, а у нас это реальное различие в центральной нервной системе. Это даже не просто функциональное различие. Существуют два различных центра в мозге, приводящих в действие две системы. Прекрасно, сказал я, тогда я буду первым философом после Декарта, доказывающим свои теории с помощью анатомических данных. Здесь для философов существует замечательная возможность сделать реальный вклад в методологию значимой науки, в ее основания. Так что я думаю, что Крипке среди прочих вещей просто проглядел это различие. Оно выпало из его семантики.

К.: В 1980-е годы вы выполнили интересные исследования по теоретико-игровой семантике. Некоторые философы были раздражены этим, потому что они только что изучили новую семантику для модальной логики, а это было не так-то легко. Другие были разочарованы тем, что теперь придется изучать теоретико-игровую семантику для применения ее в лингвистике. Это требовало от философов значительных усилий, а не все из них жаждут изучать новые вещи. Ведь после теоретико-игровой семантики им надо будет начать читать работы по дружественно-независимой логике и т.д. Вы просто держали их в напряжении. Но теоретико-игровая семантика также тесно связана с вашими взглядами на логику вопросов и ответов, которая, по-видимому, является весьма важной частью вашей философии вообще. Вы много писали и продолжаете писать на эти темы. Как вы думаете, эта тематика успешно развивается в современной философии или есть что-то, что препятствует этому?

Х.: Основная идея теоретико-игровой семантики очень проста. Я полагаю, что это тоже витгенштейновская идея, хотя он использовал ее по-другому. Основной вопрос тут такой: в чем заключаются семантические отношения между языком и реальностью? Являются ли они чем-то вроде интенциональных отношений или каузальных? Я полагаю, что ответ Витгенштейна на этот вопрос был верен. Эти отношения состоят в определенном правиле, управляющем человеческой деятельностью. Термин «языковая игра» был для Витгенштейна просто названием этой деятельности. Я же истолковал витгенштейновскую идею более буквально, чем он сам намеревался это сделать. Я спросил: что будет, если применить к этим играм некоторые простейшие базовые идеи математической теории игр? Как оказалось, это чрезвычайно плодотворный путь работы с семантикой. Я не считаю, что здесь существуют какие-то ограничения. Этот подход привел к самым разнообразным направлениям, даже выходящим за пределы всего того, что связано с дружественно-независимой логикой. Есть очень много разработок, причем весьма перспективных. Однако, я думаю, все это несколько отличается от логики вопросов и ответов. Здесь правильный взгляд на логику состоит в том, чтобы рассматривать ее как эпистемическую логику, чья семантика восходит к семантике возможных миров. Но я полагаю, что изложить эту ситуацию очень легко. Это просто старейший подход к эпистемологии, практикуемый в западной философии, а именно, сократический метод вопрошания. В истории философии он сыграл огромнейшую роль. Платон был столь впечатлен этим методом, что сделал вопрошание краеугольным камнем своего метода обучения в Академии, а Аристотель сделал его универсальным способом нахождения всех основных научных истин. У Аристотеля это даже более важно, чем думают многие. Симо* и его студенты провели пионерную работу по выяснению важной роли игр с вопрошанием в средневековой философии. Гадамер сделал то, что назвал логикой вопросов и ответов, центральным пунктом своего герменевтического подхода. Таким образом, вопрошанию постоянно уделялось очень пристальное внимание, но этот метод никогда не был полностью систематизирован. Никогда не было по-настоящему адекватной теории вопрошания, что противоречит ожиданию, что возможности этой восхитительной идеи уже давно должны были быть исчерпаны.

---

* С. Кнууттила. – *Прим. перев.*

Какова же причина этого? Она заключается в том, что логика вопросов и ответов на самом деле не была логикой. Она была просто нагромождением идей предположительного характера. Основные понятия того, что действительно дает нам реальную логику вопросов и ответов, были определены совсем недавно. Так что впервые мы получили возможность понять, что, собственно, составляет сократический метод. Коллингвуд, например, много говорит о предположениях вопросов. Они есть, но каковы они? Как определить предположения вопросов или объяснить отношение между вопросами и ответами? В чем именно состоит это отношение? Что значит для формулирования утверждения быть ответом на данный вопрос в смысле полного или окончательного ответа? Сейчас мы уже имеем ответы на эти вопросы. Я полагаю, что это открывает огромные возможности для дальнейших разработок. Я сам попытался сделать кое-что, и вот-вот в издательстве «Cambridge University Press» выйдет книга статей по эпистемологии, в которых использованы эти идеи. При таком подходе в новом свете предстает, например, проблема индукции, в частности индукции в эксперименте. Ученый варьирует контрольные переменные и смотрит, как соответственно изменяются наблюдаемые величины. И если это хороший метод измерения, он получает красивую кривую. Является ли это ответом на вопрос о том, как одна переменная зависит от другой? Это не полный ответ, а только его часть, и он не будет окончательным до тех пор, пока вы не будете знать, что за функция представлена этой кривой. Поэтому экспериментальная индукция включает две задачи. Это, так сказать, все большее заполнение кривой наблюдаемого параметра. Существуют методики заполнения кривой и т.д., но это также связано с задачей нахождения того, что кривая представляет собой математически. И реальная работа неизбежно имеет две составляющие, и иногда задачу, связанную с одной из них, выполнить легче, чем связанную с другой. Иногда мы очень быстро понимаем, что это за кривая, и тогда задача сводится просто к оценке параметров. Но в некоторых случаях физик не может сказать, какая математическая функция описывает кривую, поскольку математики эту функцию до сих пор не изучили. Так что, фигурально выражаясь, этот физик идет к математикам и просит их изучить эту функцию. На самом деле это один из основных путей развития математики. Физики представили математикам такие задачи, решение которых включает использование новых функций, до сих пор не изученных. Так что теперь вы можете

увидеть всю эту проблематику в перспективе. Затем вы видите, что это всего лишь следует из логики вопросов и ответов. И все это неизбежно ведет к тривиализации различия между этими двумя компонентами задачи индукции.

К.: Благодарю вас, это очень интересные идеи. Позвольте перейти к вопросам, у нас не так много времени.

Стадлер: У меня есть вопрос, связанный с вашими ответами в течение этой восхитительной беседы. Что вы считаете задачей философии и какой должна быть связь между философией и наукой? Я так понимаю, что вы небольшой поклонник Куайна, но он говорил, что философия науки и есть вся философия. Что вы на это ответите?

Х.: У меня есть два ответа. Я считаю, что философия объемлет огромное количество различного рода вещей, и я ничего отсюда не исключаю. Но я полагаю, этот вопрос очень тесно связан с темами, которые обсуждались на нашей встрече. Иногда мне кажется, что философия науки и основания науки играют решающую роль в философии, при этом никоим образом не исключая ничего другого. Вероятно, я мог бы ответить вопросом: почему влияние Венского кружка постепенно сошло на нет? Здесь можно назвать множество исторических причин, например ту, что участники Венского кружка эмигрировали, и т.д. Но если принять во внимание чисто интеллектуальную сторону вопроса и если прибегнуть к свехупрощению, немного окарикатурив ситуацию, мы можем спросить: что участники Венского кружка обещали сделать в философии науки? Они обещали решить все проблемы в основаниях математики и основаниях науки с помощью логического синтаксиса языка, или, в более общем смысле, логическими, семантическими средствами. Сделали ли они это? Нет. Но не отказывая себе в удовольствии посмотреть с гипотетической противоположной стороны, предположим, что члены Венского кружка осуществили программу Гильберта и решили все проблемы интерпретации квантовой механики. Что бы тогда произошло? Смею сказать, что тогда мы все стали бы логическими позитивистами. Позвольте мне сказать еще одну вещь. Это очень важно. Они, что, потерпели неудачу по причине того, что использовали слишком много логики? Нет, они использовали слишком мало логи-

---

ки. Так что, не ставя на пьедестал ни философию, ни науку, я полагаю, что может оказаться очень важным то, что философы не упускают возможности решать эти фундаментальные проблемы науки. Это не становится вершиной философии, но это может показать, на что способна философия и что можно сделать с помощью различных ее методов.

К.: Мы начали эту беседу с вопроса о том, что должно было произойти в Венском кружке, для того чтобы все мы стали логическими позитивистами. И вы на него ответили. Благодарю вас за огромное число интересных философских идей, которыми полна каждая ваша лекция и каждая дискуссия с вашим участием.